

76. Дѣвка съ лычкомъ и звѣри.

Жила была одна дѣвка, никого у нея родныхъ не было она думала, думала, что ей дѣлать, взяла лычко и пошла, куда глаза глядятъ. Приходитъ въ одну деревню, зашла въ избу и попросилась ночевать—ее оставили, она и говоритъ: „куда бы мнѣ свое лычко положить?“—„Положи свое лычко къ нашимъ лычкамъ“.—„Нѣтъ, не положу: мое лычко не любитъ лежать съ лычкомъ, а любитъ лежать съ ремешкомъ“.—„Ну ладно, клади къ ремешку“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ вмѣсто лычка ремешокъ, ей и говорятъ: „что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру свой ремешокъ“.—„Да что ты, ремешокъ не твой, а нашъ“.—„Какъ вашъ—мой“, спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, взяла ремешокъ и пошла. Приходитъ въ другую деревню, заходитъ въ избу и просится ночевать: „ночуй, дѣвка!“—„А куда бы мнѣ положить свой ремешокъ?“—„Клади на полку“.—„Нѣтъ, я не люблю класть на полку, а лучше положу къ барашку, который тутъ въ уголку“.—„Ну, клади къ барашку“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ барашка съ собой. „Что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру своего барашка“.—„Какой-же у тебя барашикъ, вѣдь у тебя былъ ремешокъ“, спорили, спорили, не могли ее переспорить и отдали ей барашка. Опять дошла дѣвка до деревни, зашла въ избу, попросилась ночевать, ее оставили, она и спрашиваетъ: „куда бы мнѣ своего барашка поставить?“—„Поставь къ нашимъ барашкамъ“. Поставила она, а къ овечкамъ; на утро встаетъ, беретъ съ собой овечку—„что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру овечку“.—„Да у тебя вѣдь не овечка была, а барашикъ“.—„Нѣтъ, овечка“, спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, отдали ей овечку. Пошла дѣвка, дошла до другой деревни, зашла въ избу, просится ночевать—„ночуй“, говорятъ.—„А куда бы мнѣ поставить свою овечку?“—„Да поставь съ нашимъ овечкамъ“.—„Нѣтъ, моя овечка любитъ стоять съ коровушкамъ“.—„Ну, поставь съ коровушкамъ“. На утро встаетъ дѣвка и беретъ съ собой коровушку. „Что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Беру свою коровушку“.—„Да вѣдь у тебя была овечка, а не коровушка“.—„Нѣтъ,

коровушка;“ спорили, спорили, не могли дѣвку переспорить, отдали ей коровушку. Повела дѣвка коровушку. Шла, шла, приходитъ въ деревню, просится ночевать, пустили ее ночевать. „А куда бы мнѣ пустить коровушку?“—„Пусти къ нашимъ коровушкамъ“.—„Нѣтъ, моя коровушка любитъ стоять съ лошадушкамъ“.—„Ну, пусти къ лошадамъ“. На утро встала дѣвка и беретъ съ собою лошадку. „Что ты, дѣвка, дѣлаешь?“—„Веру лошадку“.—„Какая же у тебя лошадка, вѣдь у тебя была коровушка“.—„Нѣтъ, у меня была лошадка;“ спорили, спорили до слезъ, не могли дѣв(к)у переспорить, отдали ей лошадку. Запрягла дѣвка лошадку въ дровни и поѣхала. Попадаетъ ей навстрѣчу заяцъ: „куда, дѣвка, поѣхала?“—„Въ лѣсъ по дрова“.—„Возьми меня съ собою?“—„Садись; только пой мнѣ пѣсню“.—„Какую же тебѣ спѣть пѣсню?“—„А вотъ я тебя сейчасъ научу: „было у дѣвки лычко, я его промѣняла на ремешокъ, а на ремешокъ вымѣняла барашка, а барашка промѣняла на овечку, а овечку вымѣняла на коровушку, а за коровушку выспорила лошадушку“; заяцъ сѣлъ и запѣлъ. Ъхали, ѣхали, попадаетъ лисица: „куда поѣхали?“—„За дровамъ въ лѣсъ“.—„Возмите меня съ собою“. „Садись, только спой намъ пѣсню“. Лиса сѣла и запищала ту же пѣсню. Поѣхали дальше, скачетъ волкъ: „куда поѣхали?“—„Въ лѣсъ по дрова“. Возмите меня съ собою“.—„Ладно, садись, только спой намъ такую то пѣсню“. Волкъ сѣлъ и завылъ пѣсню. Ъдутъ дальше, на встрѣчу переваливается и медвѣдь.—„Куда поѣхали, земляки?“—„Въ лѣсъ по дрова“.—„Возмите меня съ собою“.—„Ладно, садись, только спой намъ пѣсню такую то“. Медвѣдь сѣлъ и заревѣлъ пѣсню; только тронулись, вдругъ трахъ! оглобля лопнула; что дѣлать—остановились. Побѣжалъ заяцъ въ лѣсъ, тащитъ сучекъ—. „Что ты, заяцъ, дѣлаешь“, говоритъ дѣвка, какая же это оглобля; бросилась лисица въ лѣсъ—тащитъ палочку. „На, дѣвка, палку“.—„На что мнѣ палку: мнѣ надо оглоблю; бѣги ты, волкъ“. Поскакалъ волкъ и тащитъ молодое деревцо. „На дѣвка, деревцо“.—„Ахъ, какой ты волкъ! Мнѣ нужно оглоблю, а ты несешь деревцо, бѣги ты, медвѣдь“. Повалилъ медвѣдь, выворотилъ съ корнемъ деревину и претъ. „На, дѣвка, цѣлую тебѣ деревину“. „Что ты, медвѣдь, на что мнѣ деревина: мнѣ нужно оглоблю“.—„Не знаю я, какая

тамъ оглобля“. Побѣжала сама дѣвка въ лѣсъ вырубать оглоблю, а пока она ходила за этимъ дѣломъ, ея сѣдоки заяцъ, лисица, волкъ и медвѣдь уговорились съѣсть у дѣвки лошадку, такъ они сильно проголодались: содрали кожу съ лошади, а мясо поѣли, а лошадинную то кожу набили снѣгомъ, зашили и поставили какъ будто живую лошадь, а сами убѣжали въ лѣсъ. Приходить дѣвка съ оглоблей, наладила ее, запрягла, сѣла на дровни, стегнула лошадь, она упала, тутъ только дѣвка увидѣла предательство звѣрей, а они ужъ были далеко. Такъ дѣвка и осталась съ одной лошадиной шкурой, и то хорошо.

Череповецкій у., д. Большой Дворъ Дмитріевской волости. Отъ кр-ки Авдотьи Гладышевой. 1900 г.

77. Никола дуплинскій.

Жилъ мужикъ съ бабой; замѣтилъ онъ, что его баба завела любовника. Вотъ однажды онъ пошолъ въ лѣсъ и нашолъ тамъ дупло и придумалъ сказать своей женѣ, что онъ нашолъ дупло, а въ немъ угодника Николу Дуплинскаго. Приходить домой и говорить: „ой, matka, matka, я въ лѣсу видѣлъ чудо: нашолъ дупло, а въ немъ сидитъ Никола дуплинскій, у него чего попросишь, то и дастъ: хотъ мужа уморить, хотъ ослѣпить, хотъ меня, хотъ тебя, все сдѣлаеть, только молись ему“. Вотъ баба и пошла одной дорогой, а мужъ другой кратчайшей—впередъ ее и сѣлъ въ дупло; вотъ баба пришла и встала на колѣни передъ деревомъ и молится: „батюшка, Никола дуплинскій, умори моего мужа, а то ослѣпи“, а изъ дупла слышится: „уморить не уморю, а ослѣплю; ты вотъ что сдѣлай: навари каши помаслянѣ, онъ будетъ ѣсть и скажетъ: что то, matka, я худо вижу, такъ ты ему еще полей масла“. Пошла она домой одной дорогой, а онъ другой. Приходить домой, а онъ ужъ на печи лежитъ; баба и спрашиваетъ мужа: „ай, батько, батько, развѣ печьку то затопить да каши сварить“. Состряпала она кашу да въ чашку и наклала, а онъ сидитъ да ѣсть и говоритъ ей: „что то, matka, я худо вижу“, а она отъ прилавка-то разбѣжалась да еще лenuла масла, а онъ закричалъ: „ой, matka, я нисколько не вижу, навѣрно,